

ПЁТР
КРОПОТКИН

ВЕЛИКАЯ
Французская
РЕВОЛЮЦИЯ

Весь мир

Пётр Кропоткин

Великая Французская революция

«Алисторус»

1909

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

Кропоткин П. А.

Великая Французская революция / П. А. Кропоткин —
«Алисторус», 1909 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00180-819-0

Выдающийся русский мыслитель-анархист Пётр Кропоткин признан во всём мире как лучший историк Великой Французской революции. Он первым открыл и подробно описал её социальные, народные корни. Показал не только борьбу против монархии, но и борьбу крестьянства с буржуазией. Эта книга перевернула принятые штампы представлений об истории. Кроме того, она написана увлекательно! Эта книга просто необходима всем, кто хочет разобраться в тайных пружинах мировой истории последних веков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

ISBN 978-5-00180-819-0

© Кропоткин П. А., 1909
© Алисторус, 1909

Содержание

Князь-анархист	6
Предисловие	12
Два главных течения революции	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пётр Алексеевич Кропоткин

Великая Французская революция

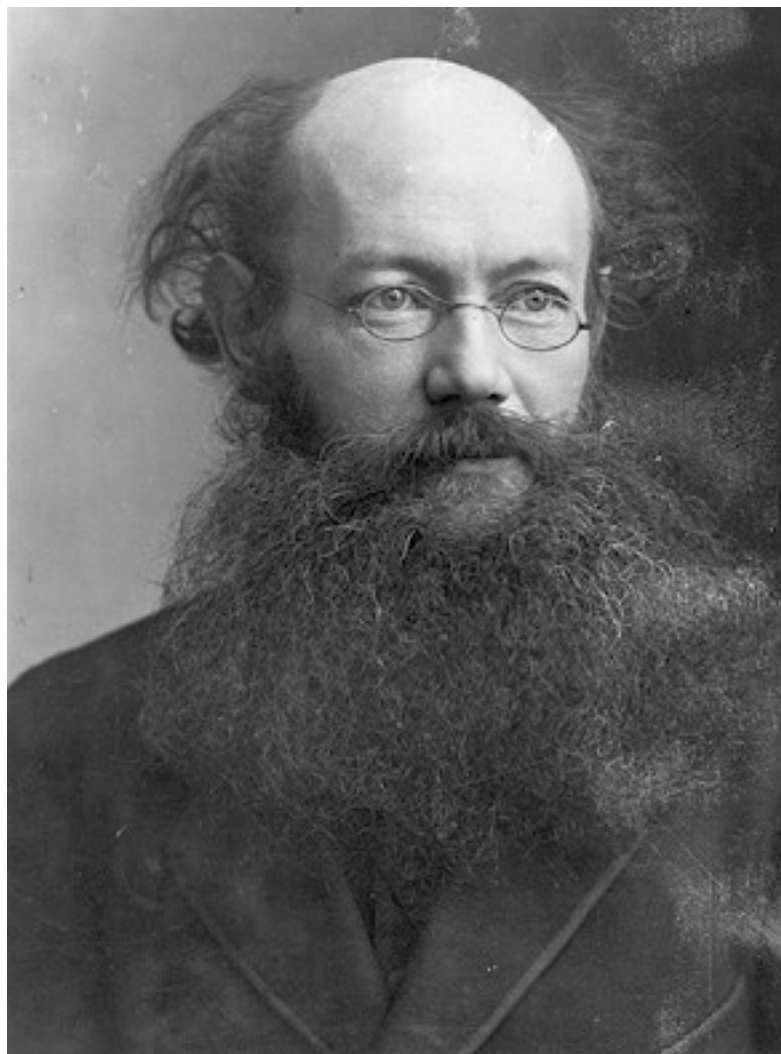
© Кропоткин П.А., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Князь-анархист

Кем он был, человек, которого уважали во все времена – и как учёного, и как революционера. Уважали, когда он находился вне закона. Почитали, когда вернулся в Россию. Отдавали должное, когда возводили великому анархисту памятники и называли в его честь улицы.

Он пришел в революцию прямиком из высшего света. Потомственный князь, сын генерала, получивший образование в Пажеском корпусе, при дворе Александра II, отпустил бороду и стал крупнейшим анархистом. Или, если точнее – анархо-коммунистом. Отрицал государство, терпеть не мог имперские порядки. Среди его первых увлечений – история Великой Французской революции. И пришёл он к этим убеждениям на удивление рано. Пётр Алексеевич Кропоткин, говоря языком нашего времени, был настоящим вундеркиндом. И, между прочим, уже в 12 лет по принципиальным соображениям отказался от княжеского титула, потому что презирал всяческие пережитки феодализма, сеющие неравенство между людьми. Тогда взрослые считали это странностью, шалостью вольнолюбивого отрока. Но Кропоткин пронес верность идеалам анархизма через всю свою долгую жизнь. Кроме революционных идей, его увлекали музыка и словесность. В них Кропоткин черпал идеи и вдохновение.

Пётр Кропоткин

Паж и путешественник

После Пажеского корпуса он не искал службы в столице. Напротив, он напросился в Восточную Сибирь, в Амурское казачье войско. Это означало постоянные экспедиции по неизученным краям, в которых Кропоткин проявил себя незаурядным географом.

Он путешествовал по Байкалу, Амуру, Сунгари, Лене и Шилке, пересек десятки горных хребтов, дополняя карту России новыми сведениями. Кропоткин оказался не менее упорным и талантливым путешественником, чем, например, Николай Пржевальский. Он вел рекогносцировку ранее неизвестных территорий в Забайкалье, многим горным грядам России и Манчжурии дал названия – например, Патомскому нагорью. Нашел ледники, по которым определил, что в прошлом Сибирь покрывал вечный лед. Кстати, самому термину «вечная мерзлота» мы обязаны именно Кропоткину. Его приняли в Императорское географическое общество, избрали секретарем Отделения физической географии. В Петербурге Кропоткин готовил экспедицию в Северный Ледовитый океан, где надеялся найти архипелаг на месте еще неизвестной Земли Франца Иосифа, существование которой он предвидел. Немало шуму наделали его научные доклады о ледниковой эпохе. Но в то время его уже чрезвычайно увлекала и политика. Он призывал к неподчинению властям, надеялся на всеобщий порыв к свободе.

Сбежавший арестант

В марте 1874 года Кропоткина арестовали – за пропаганду среди крестьян и рабочих, за связи с социалистическим кружком Николая Чайковского. Ему позволили и в Петропавловской крепости заниматься географией и даже читать лекции. Но срок ему грозил долгий. Помогло тяжелое заболевание – цинга. Кропоткина перевели в арестантское отделение военного госпиталя, и оттуда он бежал.

«Разыскать во что бы то ни стало», – таков был приказ императора Александра II. Но куда там! Некоторое время он скрывался в Санкт-Петербурге, даже ужинал в дорогих ресторанах, где, как считалось, беглеца точно не станут искать. А потом друзья переправили его за границу – через Финляндию в Норвегию, а оттуда – в английский порт Гулль. Он, в совершенстве владея французским, агитировал среди швейцарских часовщиков и лионских ткачей, три года провел во французской тюрьме. Он славился как отличный оратор и полемист и самый добродушный человек среди русских революционеров. Жил в Англии, во Франции, в Швейцарии, участвовал в демонстрациях и диспутах. Там он писал свои знаменитые статьи по анархизму, по географии и истории. Замечательные мемуары – «Записки революционера» и фундаментальное исследование о Великой французской революции.

Великий бородач

На Родину он сумел вернуться только после падения царского режима. И встречали его как героя – с почетным караулом, с букетами и маршами. Тысячи людей в этот солнечный день (по старому календарю – 30 мая 1917 года) хлынули к Финляндскому вокзалу, чтобы поприветствовать вождя мирового анархизма. Встречали его и представители Временного правительства. От Кропоткина ждали, что он сыграет важную роль в становлении свободной России. Он действительно призывал строить новые формы жизни. Но от любых постов отказывался.

Кропоткин отклонил предложение Керенского войти в правительство. Он не желал властвовать, ограничивая свою и народную свободу. Но он отказался и от предложения бра-

тьев-анархистов, которые надеялись, что он возглавит новую революцию – против любого насилия.

Узнав о стремлении украинцев к самостоятельности, Кропоткин, по линии матери – потомок малороссийских воинских командиров – написал им увещательное письмо, смысл которого можно передать одной фразой: «Братья, не рвите вековой связи!» Правда, он так и не дал ход этому воззванию...

«Революция будет идти своим путём»

Когда к власти пришли большевики – Кропоткин не стал протестовать. Ему нравилась работа Владимира Ленина «Государство и революция». Но после Гражданской войны он разочаровался в политической реальности, хотя, по незлобивой натуре, отрицал всякую кропотливую борьбу с новыми властями: «Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовили, но не успели достаточно подготовить. Что же делать теперь? Мешать революции – нелепо! Поздно. Революция будет идти своим путем, в сторону наименьшего сопротивления, не обращая ни малейшего внимания на наши усилия». Не нравились ему и расплодившиеся анархисты – по мнению Кропоткина, просто «невоспитанные люди». Но они – вплоть до Нестора Махно – считали Петра Алексеевича своим вожаком.

Несколько раз его принимал Ленин, относившийся к старику почти с восхищением. Кропоткин упрекал его в том, что большевики выстраивают слишком централизованную власть, слишком доверяют бюрократии. Председатель Совнаркома обстоятельно отвечал: «В белых перчатках не сделаешь революцию. Мы прекрасно знаем, что мы сделали и сделаем немало ошибок; всё, что можно исправить, исправляем, сознаемся в своих ошибках, часто – в прямой глупости. Вопреки всем ошибкам доведем нашу социалистическую революцию до победного конца. А вот вы помогите нам, сообщайте о всех неправильностях, которые вы замечаете, и будьте уверены, что каждый из нас отнесётся к ним самым внимательным образом». Вождь Октября хотел видеть в Кропоткине союзника – пускай и ершистого, многим недовольного.

Пётр Кропоткин в Пажеском корпусе

Похороны великого анархиста

Но Кропоткину уже не нравилось во взбаламученных столицах. Он переехал в Дмитров, в небольшой дом графа Адама Олсуфьева. Ленин подписал для Кропоткина охранную грамоту, которая гласила, что «представителям Советской власти в этом городе необходимо принять все меры к тому, чтобы жизнь Петра Алексеевича была бы облегчена возможно более». Однако вскоре 78-летний пророк революции умер, не справившись с простудной болезнью. В Дмитров отправили траурный поезд, который доставил тело для прощальной церемонии в Колонном зале Дома Союзов.

Тех его единомышленников, которые пребывали в тюрьмах, Дзержинский освободил под честное слово – чтобы и они могли проститься со своим учителем. Считается, что все они сдержали слово и в положенное время вернулись в казематы... От большевистской партии на могилу возложили венок с надписью: «Одному из наиболее преследуемых царизмом и международной контрреволюцией». На лентах венка от Совнаркома значилось: «Ветерану борьбы

против царизма и буржуазии». Как ни странно, это были первые столь масштабные государственные похороны в Советской России.

Пламенный революционер

К анархистам в СССР относились двояко. Во многих книгах о Гражданской войне именно их представляют главными «врагами», «плохими парнями». Но Кропоткин был стал, считался великим теоретиком и не имели отношения к боевым группам, которые пытались поколебать власть большевиков. Поэтому и относились к нему уважительно. А после смерти, когда он стал совершенно безопасен, превратили в одну из икон русского революционного движения. Почти наравне с «первым русским марксистом» Георгием Плехановым. К этим гуру относились так почтительно, что даже прощали им особую позицию по отношению к Октябрю. Считалось, что Кропоткин в конце концов принял Октябрьскую революцию. В Москве и Дмитрове открыли музеи великого анархиста.

Что касается массовых преследований людей, которые называли себя последователями Кропоткина, они начались после его смерти – во время Кронштадтского восстания и позже.

Книги Кропоткина переиздавались, в том числе ставший классическим труд «Великая французская революция». В его честь называли улицы, города и станции метро. Правда, градостроители немного поиздевались над великим анархистом. Возле метро его имени стоит памятник бородатому человеку, но это – не Кропоткин, а Фридрих Энгельс. Москвичей этот факт десятилетиями вводил в путаницу.

Кропоткин и Французская революция

Эту историческую драму он изучал и любил всю жизнь. И понимал, как никто другой. Он понимал, что и в живой природе, и в обществе плавное течение эволюции неизбежно прерывается скачками, вызывающими быстрые изменения, которые втягивают в революционный процесс миллионы людей. Кропоткин осознавал, что без таких «локомотивов истории» невозможно развитие. Он сам десятилетиями приближал революцию в Европе и в России. Практик оказался и выдающимся теоретиком: Кропоткин написал одну из лучших в мире книг о Великой французской революции, хотя о ней написаны сотни исследований, романов, научно-популярных изданий.

К Франции он с детства относился с особой любовью, знал культуру этой страны. Во многом к этому юного князя подтолкнул воспитатель-француз, о котором Кропоткин на всю жизнь сохранил добрые воспоминания. В 1889 году мир отмечал 100-летие Великой французской революции. Кропоткин опубликовал к юбилею несколько статей. В 1893 году в Париже вышла его небольшая книжка «Великая революция», а затем в газете Жана Грера «Новые времена» на протяжении пяти лет публиковались большие статьи с продолжением, освещавшие отдельные стороны революционных событий столетней давности: об интеллектуальном движении XVIII века, о действиях жирондистов и якобинцев, о Конвенте, о парижских секциях, о крестьянских восстаниях, предшествовавших революции. 18 статей!

И он не оставил эту благодатную тему. Книга «Великая Французская революция 1789–1793» вышла в 1909 году одновременно в нескольких странах на французском, английском, немецком и испанском языках. На русском книга впервые вышла в Лондоне, в эмигрантской типографии. Вскоре появились новые издания на голландском, польском, шведском и итальянском. Историки отмечали, что Кропоткин первым показал революцию в объеме, раскрыл весь ее необъятный мир. И, прежде всего, он показал революционное движение народных масс: крестьян и городской бедноты. Об этом историки того времени (впрочем, как и нашего) вспоминали весьма скупно. Кропоткин первым показал революцию «снизу», а не глазами ее вождей

и противников. Его современники считали движущей силой Французской революции буржуазию. Кропоткин показал революционную роль крестьянства. Логика Кропоткина проста и точна: «Если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции... Как и все революции, революция 1789 года совершилась благодаря надежде достигнуть тех или иных крупных результатов. Без этого не бывает революций». Французскую революцию принято называть буржуазной. А Кропоткин видел в ней ростки коммунистического сознания! И это не единственный урок, который он преподавал современникам и нам... Книга принесла автору заслуженную мировую известность. Особенно почетно, что ее признали французские историки, для которых события, о которых писал Кропоткин – основа основ.

Конечно, Кропоткин в своем главном труде примеривался к российской реальности. Да, он надеялся увидеть Русскую революцию и верил, что она сумеет избежать искривлений, которых не избежала Французская. Изучая ход событий, предшествовавших революции во Франции, Кропоткин видел много схожего с тем, что происходило в России в 1860-х–80-х годах. В обоих случаях речь шла об отмене изжившего себя крепостного права, о быстром обнищании крестьянства, о недовольстве крестьянской массы. Просто во Франции всё происходило гораздо быстрее, а в России затянулось на десятилетия. Быть может, причиной тому – низкая плотность населения? Но Кропоткин верил в народ. Это – главное, священное слово для него. Он верил в жаков и в иванов и защищал их честь даже, если речь шла о трактовке давних французских революционных событий. Кропоткин писал народную летопись революции, независимую от конъюнктуры, сложившейся в историографии. И оказался правдивее предшественников.

В России труд Кропоткина первым собирался издать Максим Горький в издательстве «Знание». Там уже выходило собрание сочинений князя-анархиста. Но в 1911 году издание было прекращено по цензурным соображениям – и книга о французской революции в то время так и не увидела свет на родине автора. Пришлось дожидаться политических перемен... Сегодня это – классика историографии. Без этой книги трудно понять смысл революционных процессов в любой стране. Кропоткин создал канон, который применим чуть ли не к любому времени. И забывать об этой книге – просто непростительное расточительство. Её следует перечитывать и штудировать – независимо от ваших политических взглядов. Дорогие друзья, надеемся, что это – сокращённое – издание классического труда Петра Кропоткина поможет многим из вас разобраться в перипетиях Великой революции.

Арсений Замостьянов, заместитель главного редактора журнала «Историк»

Предисловие

Чем больше мы изучаем Французскую революцию, тем более мы узнаем, насколько еще несовершенна история этого громадного переворота: сколько в ней остается пробелов, сколько фактов, еще не разъясненных.

Дело в том, что революция, перевернувшая всю жизнь Франции и начавшая все перестраивать в несколько лет, представляет собой целый мир, полный жизни и действия. И если, изучая первых историков этой эпохи, в особенности Мишле, мы поражаемся, видя невероятную работу, успешно выполненную несколькими людьми, чтобы разобраться в тысячах отдельных фактов и параллельных движений, – мы узнаем также громадность работы, которую предстоит еще выполнить будущим историкам.

Исследования, обнаруженные за последние 30 лет исторической школой, которой представителями служат профессор Олар и Историческое общество Французской революции, бесспорно, дали нам в высшей степени ценные материалы, бросающие массу света на акты Революции, на ее политическую историю и на борьбу партий, оспаривавших друг у друга власть.

Тем не менее изучение экономического характера революции, и в особенности столкновений, происходивших на почве экономической, едва только начато, и, как заметил Олар, целой жизни человека не хватит на такое изучение на основании сохранившихся архивных документов. А между тем нужно признать, что без такого изучения политическая история революции остается неполною и даже очень часто совершенно непонятною. Целый ряд новых вопросов, обширных и сложных, возникает, едва только историк касается этой стороны революционного переворота.

С целью выяснить себе некоторые из этих вопросов я начал еще с 1886 г., вернее с 1878 г., несколько частных исследований: первых шагов революции, крестьянских восстаний в 1789 г., борьбы за и против уничтожения феодальных прав, истинных причин движения 31 мая и т. д. К сожалению, я вынужден был ограничиться для этих работ одними коллекциями – весьма, впрочем, богатыми – печатных изданий в Британском музее, не имея возможности заняться во Франции работою в архивах.

Но так как читателю трудно было бы ориентироваться в частных исследованиях такого рода, не имея общего изложения всего развития революции, я вынужден был дать более или менее последовательный рассказ событий. Я не стал, однако, повторять так часто уже рассказанную драматическую сторону главных эпизодов того времени, но я постарался употребить в дело результаты новейших исследований, чтобы осветить внутреннюю связь и причины различных событий, из которых сложился переворот, заканчивающийся собою XVIII в.

Метод, состоящий в изучении революции путем исследования в отдельности различных частей выполненного ею, имеет, конечно, свои недостатки: он неизбежно ведет к повторениям. Я предпочел, однако, подвергнуться этому последнему упреку, надеясь лучше запечатлеть таким образом в уме читателя различные течения мысли и деяний, столкнувшиеся во время Французской революции, – течения, настолько обусловленные самой сущностью человеческой природы, что они неизбежно встретятся и в исторических событиях будущего.

Писатели, знакомые с историей революции, знают, как трудно избежать фактических ошибок в частностях тех страстных столкновений, развитие которых приходится излагать. Я буду поэтому чрезвычайно признателен тем, кто укажет мне ошибки, вкравшиеся в мою работу. И я уже выражаю мою глубочайшую признательность моим друзьям, Джемсу Гильому и профессору Эрнесту Нису, которые были так добры, что прочли мою рукопись и корректуры и помогли мне своими обширными познаниями и своим критическим умом.

Пётр Кропоткин. Лондон, 15 марта 1909.

Два главных течения революции

Два главных течения подготовили и совершили революцию. Одно из них – наплыв новых понятий относительно политического переустройства государства – исходило из буржуазии. Другое действие для осуществления новых стремлений исходило из народных масс: крестьянства и городского пролетариата, стремившихся к непосредственному и осязательному улучшению своего положения. И когда эти два течения совпали и объединились ввиду одной, вначале общей им цели и на некоторое время оказали друг другу взаимную поддержку, тогда наступила революция.

Философы XVIII века давно уже подрывали основы современных им культурных государств, где и политическая власть, и громадная доля богатства принадлежали аристократии и духовенству, тогда как народная масса оставалась вьючным животным для сильных мира. Провозглашая верховное владычество разума, выступая с проповедью веры в человеческую природу, в то, что природа человека, испорченная разного рода учреждениями, поработившими ее в течение исторической жизни, проявит все свои хорошие стороны, как только ей будет возвращена свобода, философы открыли перед человечеством широкие, новые горизонты. Равенство всех людей без различия рода и племени, обязанность всякого гражданина, будь он король или крестьянин, повиноваться закону, установленному представителями народа и считающемуся выражением общей воли; наконец, свобода договоров между свободными людьми и уничтожение феодальной, крепостной зависимости – эти требования философов, связанные в одно целое благодаря духу системы и методичности, свойственному французскому мышлению, несомненно, подготовили в умах падение старого строя.

Французские крестьяне

Но этого одного было бы недостаточно, чтобы вызвать революцию. От теории предстояло перейти к действию, от созданного в воображении идеала – к его осуществлению на практике; а потому обстоятельства, которые в известный момент дали французскому народу возможность сделать этот шаг – приступить к осуществлению намеченного идеала, приобретают особую важность для истории.

С другой стороны, задолго еще до 1789 г. Франция вступила в период небольших народных восстаний. Восшествие на престол Людовика XVI в 1774 г. послужило сигналом к целому ряду голодных бунтов. Они продолжались до 1783 г., после чего наступило относительное затишье. Но затем начиная с 1786, а особенно с 1788 г. крестьянские восстания возобновились с новой силой. Если в первом ряде бунтов главным двигателем был голод, то теперь, хотя недостаток в хлебе все еще оставался одной из существенных причин, главной чертой бунтов являлся отказ от платежа феодальных (крепостных) повинностей. Число бунтов все росло вплоть до 1789 г., и, наконец, в 1789 г. они охватили весь восток, северо- и юго-восток Франции.

Строй общества, таким образом, расшатывался. Однако сами по себе крестьянские восстания еще не составляют революции, даже если они принимают такие грозные формы, как пугачевский бунт, происходивший у нас в 1773 г. Революция есть нечто неизмеримо большее, чем ряд восстаний в деревнях и городах; большее, чем простая борьба партий, как бы кровопролитна она ни была; большее, чем уличная война, и гораздо большее, чем простая перемена правительства, подобная тем, какие происходили во Франции в 1830 и 1848 гг. Революция – это быстрое уничтожение, на протяжении немногих лет, учреждений, установившихся веками и казавшихся такими незыблемыми, что даже самые пылкие реформаторы едва осмеливались нападать на них. Это – распадение, разложение в несколько лет всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религиозной, политической и экономической жизни нации; это – полный переворот в установленных понятиях и в ходячих мнениях по отношению ко всем сложным отношениям между отдельными единицами человеческого стада.

Это, наконец, зарождение новых понятий о равенстве в отношениях между гражданами, которые скоро становятся действительностью и тогда начинают распространяться на соседние нации, переворачивают весь мир и дают следующему веку его лозунги, его задачи, его науку – все направление его экономического, политического и нравственного развития.

Чтобы достигнуть таких крупных результатов, чтобы движение приняло размер революции, как это было в 1648–1688 гг. в Англии и в 1789–1793 во Франции, еще недостаточно было того, чтобы среди образованных классов проявилось известное идейное течение, как бы это течение ни было глубоко; недостаточно было и одних народных бунтов, как бы они ни были многочисленны и как бы широко они ни распространялись. Нужно было, чтобы революционное действие, исходящее из народа, совпало с движением революционной мысли, шедшим обыкновенно до тех пор от образованных классов. Нужно было, чтобы они, хотя на время, подали друг другу руку.

Вот почему Французская революция, как и Английская, произошла в тот момент, когда буржуазия, обильно черпавшая свои мысли из философии своего времени, дошла до сознания своих прав, создала новый план политического устройства и, сильная своими знаниями, готовая к упорной работе, почувствовала себя способной взять в свои руки управление, вырвав его из рук дворцовой аристократии, которая своею неспособностью, легкомыслием и расточительностью вела государство к полному разорению. Но буржуазия и интеллигентные классы сами по себе ничего бы не сделали, если бы благодаря различным условиям не всколыхнулась крестьянская масса и не дала бы целым рядом восстаний, длившихся четыре года, возможность недовольным элементам средних классов бороться с королем, двором и бюрократией, низвергнуть старые учреждения и совершенно изменить политический строй государства.

История этого двойного движения еще не рассказана. История Великой французской революции была написана много раз с точки зрения самых различных партий; но до сих пор историки занимались главным образом политической историей, историей побед, одержанных буржуазией над придворной партией и над защитниками старых, монархических учреждений. Вследствие этого мы очень хорошо знакомы с умственным пробуждением, предшествовавшим революции; мы знаем общие начала, господствовавшие в революции и нашедшие себе выражение в ее законодательстве; мы восхищаемся великими идеями, которые она бросила в мир и проведение которых в жизнь заняло затем весь XIX в. Одним словом, парламентская история революции, ее войны и ее политика изучены и рассказаны во всех подробностях. Но народная история революции еще не написана. Роль народа – деревень и городов – в этом движении никогда еще не была полностью изучена и рассказана. Из двух течений, совершивших революцию, течение умственное известно; но другое течение – народное действие – еще очень мало затронуто.

Наше дело – дело потомков тех, кого современники называли «анархистами», – изучить это народное движение или по крайней мере указать его главные черты.

1. Идеиное течение

Чтобы понять идеи, вдохновлявшие буржуазию 1789 г., нужно обратиться к их воплощениям, т. е. к современным государствам.

Та форма культурных государств, которую мы наблюдаем в настоящее время в Европе, еще только намечалась в конце XVIII в. Сосредоточение власти еще не достигло тогда ни такого совершенства, ни такого единообразия, какие мы видим теперь.

Грозная машина, благодаря которой все мужское население страны, готовое к войне, приводится теперь в движение по приказанию из столицы и несет разорение в деревни и горе в семье, тогда еще не существовала. Этих стран, покрытых сложной административной сетью, где личности администраторов совершенно ступенькаются в бюрократическом рабстве и машинальном подчинении перед приказаниями, исходящими от центральной воли; этого пассивного повиновения граждан закону и этого поклонения закону, парламенту, судебной власти и ее агентам, развившимся с тех пор; этой иерархии дисциплинированных чиновников; этой сети школ, содержимых или руководимых государством, где преподается повиновение власти и ее обожание; этой промышленности, давящей рабочего, целиком отданного государством в руки хозяев; торговли, скопляющей неслыханные состояния в руках тех, кто захватил землю, каменноугольные копи, пути сообщения и другие естественные богатства, и доставляющей громадные средства государству; наконец, нашей науки, которая, освободив мысль, увеличила в сотни раз производительные силы человечества, но вместе с тем стремится подчинить эти силы праву сильного и государству, – ничего этого до революции не существовало.

Однако задолго до того времени, когда раздались первые раскаты революции, французская буржуазия – третье сословие – уже составила себе понятие о том, какой политический организм должен был развиться, по ее мнению, на развалинах феодальной монархии. Весьма возможно, что английская революция помогла французской буржуазии понять, какую именно роль ей суждено будет играть в управлении обществом. Несомненно и то, что энергии революционеров во Франции был дан толчок американской революцией. Но уже с начала XVIII в. изучение государственных вопросов и того политического строя, который мог бы возникнуть на почве представительного правления (конституции), сделалось – благодаря Юму, Гоббсу, Монтескье, Руссо, Вольтеру, Маблю, д'Аржансону и др. – любимым предметом исследований, причем благодаря Тюрго и Смит к нему присоединилось изучение экономических вопросов и роли собственности в политическом устройстве государств.

Вот почему задолго до того времени, когда вспыхнула революция, идеал централизованного, благоустроенного государства под управлением классов, обладающих земельною и про-

мышленною собственностью или же занимающихся свободными профессиями, намечается и излагается во множестве книг и брошюр, откуда деятели революции черпали впоследствии свое вдохновение и свою обдуманную энергию.

И вот почему французская буржуазия, вступая в 1789 г. в революционный период, уже отлично знала, чего хочет. Правда, она тогда еще не стояла за республику (стоит ли она за нее теперь?), но она не хотела королевского произвола, не признавала правления принцев и двора и отрицала привилегии дворянства, которое захватывало главные правительственные должности, но умело только разорять государство, точно так же как оно разоряло свои собственные громадные поместья. Чувства у передовой буржуазии были республиканские в том смысле, что она стремилась к республиканской простоте нравов по примеру молодых американских республик; но она желала также и прежде всего перехода управления в руки имущих классов.

По своим религиозным убеждениям буржуазия того времени не доходила до атеизма; она скорее была «свободомыслящей»; но и вместе с тем она не питала вражды и к католицизму. Она ненавидела только церковь с ее иерархией, с ее епископами, державшимися заодно с принцами, и с ее священниками – послушными орудиями в руках дворянства.

Буржуазия 1789 г. понимала, что во Франции наступил момент (как он наступил 140 годами раньше в Англии), когда третье сословие станет наследником власти, выпадающей из рук монархии; и она уже обдумала заранее, как ей распорядиться с этой властью.

Идеалом буржуазии было дать Франции конституцию на манер английской. Роль короля должна была быть сведена к роли инстанции, утверждающей волю парламента, иногда, впрочем, властью, удерживающей равновесие между партиями; но главным образом король должен был служить символом национального единства. Настоящая же власть должна была быть выборною и находиться в руках парламента, в котором образованная буржуазия, представляющая деятельную и думающую часть нации, господствовала бы над всеми остальными сословиями.

Вместе с тем в планы буржуазии входило упразднение всех местных или частных властей, представлявших независимые (автономные) единицы в государстве. Сосредоточение всех правительственных сил в руках центральной исполнительной власти, находящейся под строгим контролем парламента, было ее идеалом. Этой власти все должно повиноваться в государстве. Она должна будет держать в своих руках все отрасли управления: взимание налогов, суд, военные силы, школы, полицейский надзор и, наконец, общее руководство торговлей и промышленностью – все! Но рядом с этим, говорила буржуазия, следует провозгласить полную свободу торговых сделок; промышленным предпринимателям следует предоставить полную возможность эксплуатировать все естественные богатства страны, а вместе с тем и рабочих, отдавая их на произвол тех, кому угодно будет дать им работу.

При этом государство должно, утверждали они, способствовать обогащению частных лиц и накоплению больших состояний. Этому условию буржуазия того времени неизбежно придавала большое значение, так как и самый созыв Генеральных штатов был вызван необходимостью бороться с финансовым разорением государства.

Не менее ясны были экономические понятия людей третьего сословия. Французская буржуазия читала и изучала труды отцов политической экономии Тюрго и Адама Смита. Она знала, что их теории уже прилагаются в Англии, и смотрела на экономическую организацию своих соседей, английских буржуа, с такой же завистью, как и на их политическое могущество. Она мечтала о переходе земель в руки буржуазии, крупной и мелкой, и об эксплуатации ею естественных богатств страны, оставшихся до сих пор непроизводительными в руках дворянства и духовенства. И в этом союзницею городской буржуазии являлась мелкая деревенская буржуазия, численность которой была уже значительна, раньше чем революция увеличила этот класс собственников. Наконец, французская буржуазия уже предвидела быстрое развитие промышленности и крупного производства благодаря машинам, заморской торговле и вывозу

промышленных изделий; а затем ей уже рисовались богатые рынки Востока, крупные финансовые предприятия и быстрый рост огромных состояний.

Она понимала, что для достижения этого идеала ей прежде всего требовалось порвать связь крестьянина с деревней. Ей нужно было, чтобы крестьянин мог и вынужден был покинуть свое родное гнездо и направиться в город для приискания какой-нибудь работы; ей нужно было, чтобы он переменил хозяина и начал бы обогащать промышленность, вместо того чтобы платить помещику всякие повинности, хотя и очень тяжелые для крестьянина, но в сущности мало обогащавшие барина. Нужно было, наконец, чтобы в финансах государства водворилось больше порядка, чтобы налоги было легче платить и чтобы они вместе с тем приносили больше дохода казне.

Буржуазии нужно было, одним словом, то, что политэкономы называли «свободой промышленности и торговли», т. е., с одной стороны, освобождение промышленности от мелочного и мертвящего надзора государства, а с другой стороны, полной свободы в эксплуатации рабочего, лишенного всяких прав самозащиты. Уничтожение государственного вмешательства, которое только стесняло предпринимателя, уничтожение внутренних таможен и всякого рода стеснительных законов и вместе с тем уничтожение всех существовавших до того времени ремесленных союзов, гильдий, цеховой организации, которые могли бы ограничивать эксплуатацию наемного труда. Полная «свобода» договоров для хозяев – и строгое запрещение всяких соглашений между рабочими. «Laissezfaire» («Пусть действуют») для одних – и никакой возможности объединяться для других!

Таков был двойной план, намечавшийся в умах. И как только представилась к тому возможность, французская буржуазия, сильная своими знаниями, ясным пониманием своей цели и своим навыком в «делах», взялась, уже не колеблясь ни относительно общей цели, ни относительно деталей, за проведение своих взглядов в жизнь. Она принялась за дело так сознательно, с такой энергией и последовательностью, какой совершенно не было у народа, так как народ не выработал, не создал себе общественного идеала, который он мог бы противопоставить идеалу господ членов третьего сословия.

Было бы, конечно, несправедливо утверждать, что буржуазия 1789 г. руководилась исключительно узкоэгоистическими расчетами. Если бы так было на деле, она бы никогда ничего не добилась. Для больших преобразований всегда нужна известная доля идеализма. И действительно, лучшие представители третьего сословия воспитывались на философии XVIII в. – этом глубоком источнике, носившем в зародыше все великие идеи позднейшего времени. Истинно научный дух этой философии, ее глубоко нравственный характер – даже там, где она осмеивала условную мораль, – ее вера в ум, в силу и величие освобожденного человека, раз только он будет жить в обществе равных себе, ее ненависть к деспотическим учреждениям – все это мы находим у революционеров того времени. Иначе откуда почерпнули бы они силу своих убеждений и преданность им, которую они проявили в великой борьбе?

Нужно также признать и то, что среди людей, больше всего работавших над осуществлением программы буржуазии, некоторые искренне верили, что обогащение отдельных лиц – лучший путь к обогащению всего народа. Это писалось тогда с полным убеждением лучшими политэкономистами, начиная с Адама Смита.

Но как бы ни были высоки отвлеченные идеи свободы, равенства и свободного прогресса, одушевлявшие искренних людей из буржуазии 1789–1793 гг., мы должны судить об этих людях на основании их практической программы, на основании приложения их теории к жизни. Как воплотится данная отвлеченная идея в действительной жизни? Вот что дает нам мерилу для ее оценки.

И вот, хотя буржуазия 1789 г., несомненно, вдохновлялась идеями свободы, равенства (перед законом) и политического и религиозного освобождения, мы видим, однако, что как только эти идеи облекались в плоть и кровь, они выражались именно в той двойной программе,

которую мы только что изложили: свобода пользования всевозможными богатствами в видах личного обогащения и свобода эксплуатации человеческого труда без всякой защиты для жертв этой эксплуатации. При этом такая организация политической власти, переданной в руки буржуазии, при которой свобода эксплуатации труда была бы вполне обеспечена. И мы скоро увидим, какая страшная борьба разгорелась в 1793 г., когда часть революционеров захотела пойти дальше этой программы для действительного освобождения народа.

2. Народное действие

А народ? В чем состояла его идея? Народ также испытал до некоторой степени влияние философии XVIII в. Тысячами окольных путей великие принципы свободы и равенства проникали в деревни и в рабочие кварталы больших городов. Почтение к королевской власти и аристократии исчезало. Идеи равенства доходили даже до самых темных углов. В умах вспыхивал уже огонек возмущения, бунта. Надежда на близкую перемену заставляла сильнее биться сердца у самых забитых людей. «Не знаю, что такое случится, но что-то должно случиться, и скоро», – говорила в 1787 г. одна старуха Артуру Юнгу, путешествовавшему по Франции накануне революции. Это «что-то» должно было принести облегчение народному бедствию. Недавно был поднят вопрос о том, имелись ли элементы социализма в движении, предшествовавшем революции, и в самой революции? Слова «социализм» там, конечно, не было, потому что самое это слово появилось только в половине XIX в. Понятие о государственном капитализме тогда, конечно, не занимало того господствующего положения, какое оно заняло теперь, так как труды творцов социал-демократического «коллективизма» Видаля и Пеккера появились только в 40-х годах прошлого столетия. Но когда читаешь произведения предвестников революции, то поражаешься, видя, насколько они проникнуты мыслями, составляющими сущность современного социализма.

Взятие Бастилии – символ Великой Французской революции

Две основные мысли: равенство всех граждан в праве на землю и то, что мы теперь называем коммунизмом, – насчитывали убежденных сторонников как среди энциклопедистов, так и среди популярных писателей того времени, как Мабли, д'Аржансон и многие другие, менее известные. Так как крупная промышленность была тогда еще в пеленках и главным орудием эксплуатации человеческого труда являлась земля, а не фабрика, только что возникавшая в это время, то понятно, что мысль философов, а позднее и мысль революционеров XVIII в. направлена была главным образом на владение землею. Мабли, повлиявший на деятелей революции гораздо больше, чем Руссо, еще в 1768 г. требовал (в своих «Сомнениях в естественном и основном порядке обществ» – «Doutes sur l'ordre naturel et essentiel des societes») равенства всех в праве на землю и в общей собственности на нее. Право народа на всю поземельную собственность и на все естественные богатства: леса, реки, водопады и проч. – было господствующею идеею у предвестников революции, а также и у левого крыла народных революционеров во время самой революционной бури. К сожалению, эти коммунистические стремления не выражались у мыслителей, желавших блага народу, в ясной, определенной форме. В то время как у просвещенной буржуазии освободительные идеи находили себе выражение в целой программе политической и экономической организации, идеи народного освобождения и экономических преобразований преподносились народу лишь в форме неясных стремлений к чему – то. Нередко в них ничего не было, кроме простого отрицания. Те, которые обращались к народу, не старались выяснить, в какую форму могут вылиться в действительной жизни их пожелания или их отрицания. Они даже как будто не хотели выразиться более точно. Созна-

тельно или бессознательно, они как будто думали: «К чему говорить народу о том, как организовать в будущем? Это только охладит его революционный порыв. Пусть только у него хватит сил для нападения на старые учреждения. А там видно будет, как устроиться». Сколько социалистов и анархистов рассуждают по сию пору таким же образом! Нетерпеливо стремясь приблизить день восстания, они называют усыпляющими теориями всякую попытку сколько-нибудь выяснить то, что революция должна стараться ввести. Нужно сказать также, что важную роль играло при этом незнакомство писателей – по большей части горожан и людей кабинетной работы – с формами промышленной и крестьянской народной жизни. В таком, например, собрании людей образованных и опытных в «делах» – юристов, журналистов, торговцев, – каково было Национальное собрание, нашлось всего два или три законоведа, хорошо знакомых с феодальными правами; известно также, что представителей крестьян, знакомых с нуждами деревни по собственному опыту, было в этом Собрании весьма мало. Вот почему мысль народа выражалась главным образом в формах чисто отрицательных: «Будем жечь уставные грамоты (*terriers*), в которых записаны феодальные повинности! Долой десятину; ничего не платить попам! Долой госпожу Вето (королеву Марию – Антуанетту)! На фонарь аристократов!» Но кому достанется освобожденная земля? Кому пойдет наследство гильотинированных аристократов? Кто завладеет властью, ускользавшею из рук г-на Вето и ставшею в руках буржуазии гораздо большей силою, чем она была при старом порядке? На эти вопросы у народа не было ответа. Это отсутствие у народа ясного понятия о том, чего он может ждать от революции, наложило свой отпечаток на все движение. В то время как буржуазия шла твердым и решительным шагом к обоснованию своей политической власти в государстве, построенном сообразно ее соображениям, народ колебался. Особенно в городах он вначале даже как будто не знал, как воспользоваться в своих интересах завоеванной властью. А когда впоследствии проекты земельных законов и уравнения состояния стали намечаться более ясно, им пришлось столкнуться с собственническими предрассудками, которыми были проникнуты даже люди, искренно ставшие на сторону народа. Подобное же столкновение произошло и в понятиях о политическом устройстве государства. Оно особенно ярко заметно в борьбе между правительственными предрассудками демократов того времени и новыми идеями, зарождавшимися в массах относительно политической децентрализации, и в той преобладающей роли, которую народ хотел предоставить своим городским управам, «отделам» (секциям) в больших городах и сельским обществам в деревнях. Из этого источника произошел целый ряд кровавых столкновений, вспыхнувших в Конвенте. Из этого же произошла неопределенность результатов революции для народа, за исключением того, что касалось отнятия земель у светских и церковных владетелей и освобождения этих земель от феодальных повинностей. Но если в смысле положительном идеи народа оставались неясными, то в смысле отрицательном они были в некоторых отношениях вполне определены. Во-первых, ненависть бедняка ко всей праздной, ленивой, развращенной аристократии, господствовавшей над ним, в то время как гнетущая нужда царилла в деревнях и темных закоулках больших городов; эта ненависть была совершенно определена. Затем, ненависть к духовенству, потому что оно сочувствовало скорее аристократии, чем кормившему его народу. Ненависть ко всем учреждениям старого порядка, которые, не признавая за бедными никаких человеческих прав, делали их бедность еще более тяжелой. Ненависть к феодальному, т. е. крепостному, строю с его повинностями, удерживавшими крестьян в подчинении помещику, хотя личная их зависимость уже перестала существовать. Наконец, отчаяние, овладевавшее крестьянином в неурожайные годы, когда он видел, как земля остается необработанной в руках помещиков и служит только для дворянских развлечений, в то время как голод свирепствует в деревнях. Вот эта-то ненависть, медленно назревавшая в течение всего XVIII в., по мере того как все резче и резче становился эгоизм богатых, эта потребность в земле, этот протест голодного и возмущенного крестьянина против помещика, не допускаявшего его до земли, и пробудили начиная с 1788 г. бунтовской дух в народе. Эта

же ненависть, эта же потребность вместе с надеждою на успех поддерживали в течение 1789–1793 гг. непрерывные крестьянские бунты, и эти бунты дали буржуазии возможность свергнуть старый порядок и организовать свою власть на началах представительного правления, а крестьянам и городскому пролетариату – возможность окончательно освободиться от феодальной (крепостной) зависимости. Без этих восстаний, без полной дезорганизации провинциальных деревенских властей, произведенной крестьянами, без той готовности тотчас же вооружаться и идти против королевской власти по первому зову революционеров, какую проявил народ в Париже и в других городах, все усилия буржуазии остались бы, несомненно, без результата. Но именно этому вечно живому источнику революции – народу, готовому взяться за оружие, историки революции до сих пор не отдали той справедливости, которую обязана отдать ему история цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.